

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российской Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 21-22 (449-450)

19-й г. издания

Подписанная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за $\frac{1}{2}$ г. — 50 фр., за $\frac{1}{4}$ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за $\frac{1}{2}$ г. — 3 долл., за $\frac{1}{4}$ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за $\frac{1}{2}$ г. — 75 фр., за $\frac{1}{4}$ г. — 40 фр. Заперем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Gachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris, Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

2 Декабря 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Загр. Делегация РСДРП о нападении Сталина на Финляндию.
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух).

Р. Абрамович. Война и мир.

А. Югов. И дублем, и рублем (Новый с.-х. налог).

А. Кобер. Судьбы Польши.

Г. М. Балтийский узел.

Заметки: И. Греков. «Культурное сотрудничество». — С. Шварц. Молотов-Димитров-Гитлер. — Свен Линдквист. Крепость у полярного круга.

Партийная трибуна: В. Александрова. Старые споры и новые факты.

Extrait du sommaire: Déclaration du Parti sur l'invasion stalinienne en Finlande. — Articles de Th. Dan. Au tonnerre des canons (Pensées parlées); de R. Abramovitch sur les problèmes de la guerre et de la paix; de A. Jugow sur la nouvelle fiscalité agraire en U.R.S.S.; de A. Kober sur le sort de la Pologne; de G. M. sur les problèmes balistiques. — Notices sur la « collaboration culturelle » stalino-hitlérienne; sur le discours de Molotow et les mots d'or de Dimitrow, etc. — Tribune libre: V. Alexandrowa sur les vieilles tendances et les nouveaux faits.

В защиту Финляндии

Заграничная Делегация РСДРП констатирует, что, обладая превосходство 4-миллионной Финляндии в фантастическом намерении провоцировать военное столкновение с 180-миллионным Советским Союзом, сталинская диктатура на деле сама ведет провокационную политику, являющуюся прямым продолжением той политики территориальных захватов и военных оккупаций, которую Сталин, по соглашению с Гитлером, начал в Польше, Эстонии, Латвии и Литве.

Если бы речь шла и в самом деле об ограждении безопасности Советского Союза и, в особенности, Ленинграда, то и в этом случае социалистический пролетариат и Сов. Союза, и всего мира должен был бы самым резким образом заклеймить методы ограждения этой безопасности грубым насилием над слабыми соседями, — методы, которые не только не имеют ничего общего с принципами социалистической политики рабочего класса, но всецело совпадают с методами смертельный враг демократии и социализма — германского нацизма.

На деле за все два десятилетия независимого государственного существования Финляндии никогда не было и речи о том, что близость границ этой маленькой

страны к Ленинграду может в какой бы то ни было степени угрожать безопасности этого города или Сов. Союза вообще. И лживость тех предлогов, которыми Сталин мотивирует свой поход на Финляндию, неопровергнуто доказывается тем фактом, что одним из первых актов этого похода является захват Рыбачьего полуострова на Ледовитом океане, сотнями километров отделенного от Ленинграда.

Своим пактом с Гитлером Сталин развязал войну. Своим нападением на Финляндию он содействует превращению ее во всеобщую и заставляет Сов. Союз быть в этой войне прямым союзником германского нацизма.

Загр. Делегация призывает поэтому раб. класс и Сов. Союза, и всего мира встать единодушно на защиту Финляндии от грубого насилия и, если не удастся предотвратить то последнее и самое чудовищное преступление, которое готовится совершить кремлевский союзник Гитлера, сделать все, чтобы обречь его захватническую и насилийскую политику на неудачу и поражение.

Загр. Делегация РСДРП.

30 ноября.

Ф. ДАН.

Под гром пушек

(Мысли вслух)

Нынешняя война имеет пока что, по ставшему уже ходячим выражению, «странный» характер. Ее странность вытекает из того, что ее непосредственный виновник Гитлер на самом деле войны с англо-французской коалицией смертельно боялся и боится, не хотел и не хочет: он хотел и хочет «мирно», т. е. без противодействия с чьей-либо стороны, если не прямо аннексировать, то политически и экономически подчинить себе, одну за другую, все те малые и средние страны европейского материка, которые входят, по его мнению, в «жизненное пространство» его режима.

Но, в силу самой природы этого режима, все напряженнее становились те внутренние социальные противоречия, которые он вынужден перекрывать все более шумными внешне-политическими успехами, и все зияющее те прорехи его хищнического хозяйства, которые, закончив ограбление «своих» евреев, он вынужден затыкать все более бесстыдным ограблением чужих стран. Поэтому нет ничего удивительного, что пресловутое «жизненное пространство» все больше расплывалось по карте Европы, как масляное пятно по бумаге: после каждой очередной аннексии Гитлер, едва успев клятвенно заверить и своих германских подданных и весь мир, что «отныне Германия не имеет больше территориальных требований в Европе», немедленно же оказывается перед необходимостью начать подготовку новых захватов.

Естественно, что, несмотря на все миролюбие английского империализма и капитализма, несмотря на все опасения социального характера, заставлявшие его воздерживаться от острого столкновения с нацизмом и искать соглашения и компромисса с ним, несмотря, словом, на все «мюнхенские» тяготения его, — должен был наступить момент, когда историческая невозможность компромисса с германским нацизмом стала очевидной и для него, когда вопросстал ясно и определенно: капитулировать перед германским нацизмом и в его пользу отречься от мировой империи, либо вступить с ним в решительную борьбу.

Аналогично обстояло дело и с Францией. Гитлер не оставил Англии и Франции, вопреки их почти безграничному миролюбию, никакого иного выхода, как войны. Но это — как раз тот «выход», к которому он их толкал, но которого он в то же время смертельно боялся и боится, ибо знает, что он означает для него и для его режима «начало конца». Самолично и устами своих новых друзей — Сталина и Молотова — он вопиет, что войны не хотел и не хочет: какой-же он «агрессор», когда он ничего иного не желает, как «мирно» проглатывать одну добычу за другой? И совместными усилиями самодержцы Берлина и Москвы пытаются мобилизовать рабочий класс всех стран и особенно Англии и Франции на защиту этого «мирного» разбоя и палачества обличением империалистического характера войны, которую англо-французская коалиция ведет против Гитлера. Как будто влияние капиталистических и империалистических интересов на политику буржуазии может хоть в какой-либо степени уменьшить значение того независимого от намерений буржуазии факта, что нацизм есть непосредственный виновник войны и что лишь через его разгром в этой, им «не желаемой», но им развязанной войне лежит путь к преодолению капитализма и империализма, к утвержде-

нию демократии и социализма, и что поэтому рабочий класс всех стран должен в своих собственных интересах всеми силами содействовать этому разгрому!

«Странное» отношение Гитлера к войне, им-же подготовленной и им-же сделанной неизбежно, определяет и ее «странный» характер. Меньше всего ведется она пока там, где ей вестись, казалось бы, полагалось: на фронте. Гитлер колеблется, решает и отменяет решения, откладывает час решительного столкновения двух гигантских армий, который может оказаться роковым часом для его режима. И так как англо-французская коалиция не имеет, со своей стороны, никаких оснований сокращать ту работу, которую делает на нее время, то за три месяца, что длится уже война, не было еще ни одного сколько-нибудь значительного боя, и аэропланы засыпают вражеские территории не бомбами, а прокламациями, — еще раз свидетельствуя тем, кстати сказать, о решающем значении «тыла» в этой войне и, следовательно, о неразрывной связи хода и исхода ее с теми экономическими, социальными, политическими и психологическими процессами, которые в тылах обеих сторон происходят.

Даже там, где военные действия носят более интенсивный характер, — на морях и в воздухе, — они направлены не только против военной силы врага, сколько против его «тыла». Блокада, главное оружие морской войны в руках англо-французской коалиции, имеет в виду дезорганизовать экономику нацистского тыла и тем окончательно подорвать его «мораль». Воздушными налетами, рейдами подводных лодок, минами, разбрасываемыми вопреки всем законам морской войны и несущими гибель десяткам судов, главным образом — торговых, нацизм, со своей стороны, рассчитывает, конечно, не английскую военную мощь сокрушить, как он похваляется, а прорвать кольцо блокады, спасти экономику и мораль своего тыла и нанести удар тылу вражескому. Тыл — вот пока главный «герой» войны, ибо главная ставка в ней ставится пока на крепость его «нервов», т. е. на его психологическую устойчивость, которая, в свою очередь, является, как это вполне понятно, функцией его социально-экономической и политической устойчивости и его «динамизма», т. е. его способности своевременно и быстро преобразовываться соответственно гигантским требованиям, которые во всех направлениях предъявляют ему война и предпосылки победоносного ведения ее.

Но есть в этой странной войне и второй «герой», на крепость нервов которого германский нацизм также вынужден все больше и больше ставить свою ставку в стремлении покончить войну без решительных военных действий: это — те малые и средние «нейтральные» государства, которые военная политика Гитлера, прямое продолжение его политики до-войны, вынуждена все больше втягивать в орбиту «жизненного пространства» нацистского режима. Каковы ни будут для этого режима конкретные последствия его соглашения с сталинизмом, пока что это соглашение, связав до известной степени свободу действий Гитлера на востоке и юго-востоке Европы, дает ему возможность с тем большую настойчивостью действовать на севере и северо-западе ее и давить на расположенные в этой зоне малые «нейтральные» государства, чтобы превратить их в послуш-

ное орудие политики «немедленного» мира, санкционирующего все его захваты.

Быть может, против этих нейтральных государств еще больше, чем против английского тыла направлены и те «магнитные» мины, которые вызвали уже столько катастроф. На эти мины, против которых англо-французский флот найдет, конечно, очень скоро технические средства противодействия, англо-французская коалиция, успевшая уже об'единить свою собственную экономическую самозащиту, ответила распространением блокады с германского ввоза и на вывоз Германии, т. е. мерой, которая грозит быстро добить германскую экономику, лишив Гитлера возможности получать валюту для оплаты закупок и в тех странах, транспорт из которых, в силу их географического положения, еще не страдает или лишь весьма мало страдает от англо-французской блокады.

Гитлер воспользовался этой мерою, нарушающей, конечно, коммерческие интересы нейтральных стран, чтобы побудить их к протесту. Непосредственного практического значения этот протест, разумеется, иметь не может. Но он является ярким симптомом возрастающего давления германского нацизма на нейтральные страны. И поскольку этому давлению — именно в силу его практической безрезультатности — суждено все больше возрастать, надо полагать, что тут у Гитлера так-же «сорвется», как сорвалось в его до-военной политике «мирного» разбоя: наступит момент, когда само давление это поставит нейтральные еще страны под угрозу гитлеровской оккупации и тем толкнет их в военный водоворот, в котором они вряд-ли будут на стороне Гитлера.

Так сам Гитлер, вопреки своему страху развязавший войну, будет, вопреки тому же страху, содействовать превращению ее действительно во всеобщую и наступлению того «решительного» фазиса ее, которого он боится, как огня. Задача рабочего класса состоит в том, чтобы заранее самому готовится к этому фазису и готовить все предпосылки для радикального разгрома нацизма, для превращения этого разгрома в процесс утверждения социальной демократии на всем континенте Европы и, через Европу, во всем мире.

**

В день, когда пишутся эти строки, советское радио разнесло по всему миру весть о «наглой провокации» 4-миллионной Финляндии, обстрелявшей своею артиллерию военные аванпосты Советского Союза, расположенные на советско-финляндской границе, — ну, конечно, с явною целью вызвать войну и померяться силами со своим 180-миллионным соседом.

Конечно, во всем мире, в том числе и в Советском Союзе, не найдется ни одного человека, который бы не по долгу службы, а, так сказать, за совесть поверили в советскую версию инцидента, имевшего место (если имевшего!) днем 26 ноября. К тому-же версия повторяет историю тех «провокаций», к которым в нужный — для Гитлера нужный! — момент прибегали и Австрия, и Чехословакия, и Польша. Финляндцы, говорящие по этому поводу, как сообщает агентство Рейтера, о «гитлеровской тактике» Сталина, вполне правы: Сталин не только действует по-гитлеровски, но по-гитлеровски и обосновывает свои захваты и свои насилия над малыми и маломощными государствами. В Польше то был расистский мотив освобождения «братьев по крови»; в Эстонии, Латвии и Литве — принцип «жизненного пространства» и военной безопасности; в Финляндии — та самая ссылка на неспособность малых стран сопротивляться использованию их великими державами, которою аргументирует Гитлер, чтобы нало-

жить свою лапу на Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Швецию. Так как когда-нибудь может быть флоты и войска какой-нибудь великой державы используют гавани и территорию Финляндии, чтобы напасть на Советский Союз, то Сталин заблаговременно требует выдачи ему и решающих стратегических пунктов на Финском заливе, и незамерзающего финляндского порта на Ледовитом океане, требует фактического разоружения Финляндии и превращения ее в безвольное орудие его, сталинской политики, и требует еще вдобавок, чтобы его не считали агрессором и насильником, а славословили на всех языках, как единственного действительного поборника мира и искреннего защитника независимости малых государств. Это было бы поистине «гениально», если бы не было уже давно выдумано Гитлером!

Само собою разумеется, что финляндская «provocation» вызвала немедленно-же патриотическое бряцание оружием со стороны советской военщины и волну митингов и революций протеста, в которых свободные советские граждане изливают обуревающее их недовольство. И в буре этого возмущения, как недосягаемый образец «умеренности», выступает позиция советского правительства, в ответ на «provocation» даже не требующего, а только «предлагающего» Финляндии отдинуть свои вооруженные силы на 20-25 километров вглубь страны от советско-финской границы, т. е., иначе говоря, добровольно покинуть ту финскую «линию Мажино», опираясь на которую маленькая Финляндия только и может позволить себе отказываться от безоговорочной капитуляции перед сталинскими требованиями. Но и в этом случае Сталин лишь рабски копирует Гитлера, который свыше года тому назад тоже демонстрировал в Мюнхене и Годесберге свою «умеренность», добиваясь и добившись отнятия от Чехословакии лишь судетских районов, в которых была расположена ее оборонительная линия, — с известными для Чехословакии последствиями этой «умеренности».

Последует ли Сталин в случае (весьма мало вероятном!) согласия Финляндии на его «предложение» и дальше чехословакому образцу, обращая ее в «протекторат»; двинет ли он в случае (наиболее вероятном!) отказа Финляндии свои войска на ее территорию как двинул Гитлер свою армию в Польшу, или будет и дальше добиваться своих целей жестокой игрой на ее «нервах» и ее экономике, подвергая ее пытке страхом и разоряя непосильными расходами на оборону, как это практикует ныне Гитлер по отношению к Голландии, Бельгии, Дании и ряду других стран, — гадать не стоит: ко времени выхода этого номера в свет перспективы станут, вероятно, гораздо более ясными.

Однако нарочитое избегание ультимативной формы в делаемых Сталиным Финляндии «предложениях» еще раз подтверждает, что Сталин, как и Гитлер, больше всего хотел бы, чтобы чаша непосредственного участия в войне миновала его, чтобы и финляндский кусок он мог проглотить так же «мирно», как проглотил куски польский и прибалтийский. Но приходится повторить то, что уже сказано было в прошлом номере: на этом пути неизбежно должен наступить момент, когда и у Сталина «сорвется», когда он вынужден будет стать прямым участником войны на стороне нацизма. С точки зрения демократии и пролетарского социализма это будет величайшим несчастием, и надо сделать все, чтобы его предотвратить. Но, если оно все-же случится, повелительным долгом пролетариата, и советского, и международного, будет встать на защиту Финляндии от кремлевского диктатора, насилием над другими странами лишь укрепляющего свой режим насилия над народами Советского Союза.

27 ноября.

Р. АБРАМОВИЧ.

Война и мир

I.

Трудно, почти невозможно, представить себе, что начавшаяся 1-го сентября война так до самого конца и останется ограниченной кругом тех трех великих держав, которые принимают в ней сейчас участие. Если-бы речь шла о войне кратковременной, или о той «молниеносной войне», о которой мечтал одно время Гитлер, то об этом еще можно было бы говорить. Но теперь, кажется, уже не осталось оптимистов, которые бы серьезно надеялись на завершение войны в ближайшем будущем. Конечно, теоретически не исключено, что те гигантские внутренние противоречия, которыми чреват гитлеровский режим, в какой-либо момент взорвут Германию изнутри. В частности, в Англии, если судить по Венловскому эпизоду, велись какие-то мирные переговоры с какими-то немецкими кругами. По крайней мере, официальное английское сообщение по поводу похищения агентами Гестапо на голландско-германской границе майора Стивена и капитана Беста прямо говорит, что правительство не могло не отнестись серьезно к предложениям, исходившим из влиятельных кругов, и что указанные лица должны были поэтому выслушать их, не вступая, разумеется, в переговоры по существу.

Судя по исходу этого эпизода, можно сделать два предположения: либо, что предложения мира, связанные, надо полагать, с проектом устранения Гитлера и других вождей нынешнего режима, действительно исходили из каких-то военных или политических кругов Германии, но что Гестапо об этом своевременно узнало и, арестовав заговорщиков, послало вместо них в Венло своих провокаторов; или же что вся эта история с самого начала была провокацией Гестапо. В том и другом случае ясно, что нынешний режим сильнее своих противников, и что, следовательно, надеяться в ближайшем будущем на такой переворот в Германии, который положит конец войне, пока нет оснований.

Но если война еще долго будет длиться, и если, с другой стороны, тактика лобовых аттак на Западном фронте явно неприемлема ни для одной из воюющих сторон, то Германия, все больше удушающая железным кольцом блокады, вынуждена будет бросаться во все стороны, как для того, чтобы найти — вне линии Мажино — пространство для «маневренной войны», так и для того, чтобы овладеть новыми источниками сырья.

12-го ноября сокрушительный германский удар должен был обрушиться на Голландию. В последнюю минуту изданный уже приказ о наступлении был Гитлером по еще невыясненным причинам взят обратно. Но, как гласит немецкая поговорка, «то, что отложено, еще не отменено». И вот телеграф снова приносит тревожные сведения с германско-голландской границы. Голландия и Бельгия вновь в состоянии предвоенной лихорадки. Окажется-ли и на этот раз вся эта тревога лишь блефом, эпизодом «войны нервов», или же мы имеем дело с действительной опасностью войны на побережье Северного моря, — это покажут ближайшие дни. Но если на Севере и не произойдет вооруженного конфликта, то он может начаться на Юге. Печать уже отметила тревожный и угрожающий характер, который приняли выступления венгерских государствен-

ных людей против Румынии. Может быть, бряцание оружием против Голландии является лишь маневром для прикрытия действительного удара в сторону Балкан? Удара, при котором ревизионистские интересы Венгрии могут совпасть с тягой Германии к источникам румынского сырья и нефти и — с «освободительными» планами советского правительства по отношению к Бессарабии?!

Наконец, случайному ли только совпадением во времени является пресловутый инцидент на русско-финляндской границе, столь шумно раздуваемый сейчас советской печатью и советским радио? Вряд ли могут быть сомнения в том, что «перестрелка» 26-го ноября вблизи Ленинграда была актом сознательной провокации со стороны сталинского правительства. За это говорят прежде всего общие обстоятельства дела: ни один здравомыслящий человек не поверит, чтобы маленькая Финляндия, за которой не стоит сейчас ни одна великая держава (по географическим соображениям помощь Англии и Франции исключена, а Германия не только не подстrekает Финляндию к отпору, а, наоборот, в полном соответствии с германско-советской дружбой, настоятельно «рекомендует» Финляндии принять требования России!), стала провоцировать своего неизмеримо более могущественного соседа на открытый вооруженный конфликт. Это было бы равносильно самоубийству со стороны Финляндии, и коалиционное правительство этой демократической страны, в которой социалдемократия играет такую видную роль, до сих пор не давало никакого повода обвинять его в необдуманных или провокаторских шагах. С другой стороны, события последних лет достаточно показали всему миру, что сталинское правительство не останавливается ни перед самой гнусной ложью, ни перед самой грязной провокацией, ни перед самым злостным фальсифицированием фактов, документов и свидетельских показаний, если ему это нужно для достижения своих целей. Сталин, не постыдившийся сфабриковать свои знаменитые процессы против русской социалдемократии, против своих ближайших друзей, против соратников Ленина, не остановится, конечно, и перед организацией «пограничного инцидента». И тогда становится понятным и тот странный факт, что уже через час после инцидента, финские коммунисты распространяли листовки, направленные против своего правительства, и странное совпадение, что «пушечные выстрелы» из финской границе раздались как раз в тот момент, когда советская пресса и советское радио вели такую яростную кампанию против Финляндии.

Является-ли вся эта махинация Сталина лишь средством к устрашению Финляндии в целях вымогательства уступок, или же он действительно помышляет о походе против финнов, — этого сейчас никто не может сказать. Говоря вообще, мы попрежнему стоим на той точке зрения, что Stalin активного участия в войне, да еще на стороне Гитлера, не желает. Мы попрежнему полагаем, что целью Сталина является — использовать — путем захватов, вымогательств и т. п. — в интересах Советской России (и «мировой революции», которая в его представлении, конечно, вполне совпадает с интересами Советского государства, как государства!) затяжную войну между Германией и англо-

французской коалицией, и то неизбежное истощение и ослабление обеих воюющих сторон, которое с этим связано *).

Интересно отметить, что наше общее представление о том, что Сталин по возможности будет избегать прямого участия в войне на стороне Гитлера, находит свое подтверждение в корреспонденции из Москвы, напечатанной в нью-йоркском «Таймсе» от 29-го октября и переданной из Москвы по телеграфу очень осведомленным американским журналистом G. E. R. Gedye. Указывая на чрезвычайно низкий уровень жизни русского обычного человека, который еще обостряется приближением зимы, корреспондент указывает на то, что в глазах советского человека политика Сталина с августа месяца и до сих пор может быть оправдана лишь постольку, поскольку она помогла Советской России избежнуть войны. По мнению корреспондента, существование сталинского государства, как коммунистического, всецело зависит от того, удастся ли ему избежать войны или нет. По его мнению, население переносит неслыханные лишения только потому, что ему внущили, что в стране строится социализм, хотя бы для будущих поколений. Эта вера в искренность сталинского социализма является неизбежным условием не только прочности, но и самого существования советского режима. Ввергнуть страну в войну, и притом в войну на стороне гитлеризма, означало бы для Советского Союза моральную катастрофу, которая привела бы к неисчислимым последствиям. И, по мнению корреспондента, «хитрый правитель советского государства прекрасно это понимает».

Но если Сталин, как думаем и мы, будет всячески уклоняться от прямого участия в «большой войне», то

*) Всю мировую печать сейчас обошло сообщение агентства Гаваса из Женевы, передающее подробно речь Сталина, произнесенную им будто-бы на заседании Политбюро от 19-го августа. Агентство утверждает, что данные эти получены «из источника, заслуживающего абсолютного доверия». Нужно сказать, что если эта речь Сталина составлена в самой Женеве каким-нибудь предприимчивым журналистом на основании слухов и газетных статей, то вряд-ли будет нескромностью указать на то, что журналист этот, повидимому, в числе прочего материала очень усердно использовал и мои статьи от 15 августа и от 29 сентября. Если же сведения эти аутентичны, то ими, между прочим, не только подтверждается наша гипотеза о планах Сталина, но и окончательно разрешается поднятый П. Милюковым в его полемике против Леона Блюма («Последние Новости», от 24-го ноября) вопрос об ответственности Сталина за развязывание войны. В противоположность Блюму и всему международному социализму, Милюков полагает, что нельзя делать сталинское правительство и германо-советский пакт от 24-го августа ответственным за начало войны, ибо война бы все равно была начата Гитлером по другому поводу. Совершенно очевидно, что, ставя вопрос таким образом, Милюков пользуется смешением понятий. Что гитлеризм вообще вел к войне и что война поэтому была исторически неизбежна, — против этого спорить не приходится и нам неоднократно приходилось в этом смысле высказываться. Но спор идет в данном случае не о войне вообще в неопределенном будущем, а о данной войне, начавшейся 1-го сентября 1939 года. Что эту конкретную войну Гитлер никогда не развязал бы, не имея за собой советской «перестраховки», это вряд-ли можно опровергнуть на основании всего того материала, который сейчас имеется. Гитлер не самоубийца, и начать войну против коалиции Англии, Франции и России Рейхсвер никогда бы не разрешил своему фюреру. Эти общие соображения подтверждаются сейчас упомянутым сообщением из Женевы, — если, повторю, оно аутентично. Любопытно, однако, отметить, что по всем обвинениям, выдвигаемым Блюром против Сталина Милюков решительно берет под свою защиту русского «фюрера». Позидимому, расширение имперской территории, хотя бы и усилиями бессовестного диктатора, хотя бы и ценой вероломства, насилия и грабежа, даже демократических патриотов своего отечества предрасполагает к более синхронительному отношению к своему даже диктаторскому правительству.

это отнюдь не означает, что он откажется от легких «военных прогулок», которые будут ему сулить непосредственные территориальные или стратегические приобретения. Доказательством тому является хотя бы вторжение в Польшу 16-17 сентября. Нет никаких оснований предполагать, что подобного рода действия не повторятся в других пограничных областях Советского Союза. Наоборот, трудно представить себе, чтобы Сталин остался, например, равнодушным свидетелем в случае конфликта между Венгрией и Румынией, о котором мы уже упомянули выше. Можно с уверенностью сказать, что если такой конфликт разгорится, то все его детали, вплоть до распределения «демаркационных линий», будут заранее урегулированы между тремя участниками этого своеобразного «товарищества на паях», в котором Гитлер играет роль официального и «громкого» партнера, а Сталин — негласного и «тихого» участника в деле.

То же приходится сказать и о возможном походе на север, в сторону Финляндии и Скандинавских стран. Если поход против Финляндии не является простым застрашиванием, а преследует более далеко идущие цели, то тут тоже надо предполагать предварительныйговор о «разделе сфер влияния», как бы П. Милюков ни старался в своем упомянутом уже фельетоне в «Посл. Новостях» обелить Сталина от подобного рода обвинения. Политика России об'ективно направлена против Германии, ибо единственной державой, против которой направлены требуемые Сталиным у различных балтийских государств «стратегические базы», является Германия и только Германия, утверждает Милюков. Ему вторит и балтийский социалист Г. М. в статье «Балтийский узел», помещаемой в качестве материала в этом-же номере нашего журнала. До известной степени это самоочевидно и не требует доказательства, но только до известной степени, или, вернее, до определенного момента. В самом деле, если предъявляемое Россией к Финляндии требование об уступке ряда островов, территорий и гавани Ханго нужно России исключительно для обороны против будущего германского нападения, то не совсем понятно, каким же образом Германия с таким странным усердием давит со своей стороны на Финляндию для того, чтобы заставить ее согласиться на русские требования! Ведь такое рыцарское самопожертвование и бескорыстие вряд-ли в характере германского гитлеризма. Естественно возникает вопрос: что же скрывается за этим трогательным единением Сталина и Гитлера в вопросе о Финляндии? Возможно, что дело идет о «превентивных» мерах на случай поражения гитлеризма в войне. Тогда врагом, против которого Сталин (и его подзащитный — Гитлер) заговорено хочет занять все стратегические пункты, явится уже не Германия, а флот победоносной коалиции... Но гораздо более вероятно, что планы Сталина отнюдь не ограничиваются чисто-дифенсивными мероприятиями. Ведь это только большевистская пропаганда, влиянию которой подпадают, к сожалению, и многие социалисты (в том числе и упомянутый уже Г. М.), обычно изображает бедный Сов. Союз как мирный и ни в чем неповинный об'ект агрессии «империалистов» и «акул мирового капитализма». Действительность выглядит совершенно иначе, и события последних месяцев должны были бы раскрыть глаза и самым наивным сторонникам советского мифа. Что касается, в частности, советских планов в направлении Финляндии и Швеции, то интересные указания содержатся в статье шведского товарища Линдквиста, переведенной нами в этом же номере. Среди многочисленных вариантов русского генерального штаба и сталинского правительства имеется и проект выхода в открытый Атлантический океан через незамерзающий

порт Нарвик. Путь к этому порту, а по дороге и к неисчерпаемым минеральным сокровищам шведской Лапландии, лежит через Финляндию и северную часть Швеции. Путь этот прегражден на финляндской территории двумя линиями защиты: первая линия лежит на юге Финляндии, повидимому недалеко от русской границы; вторая линия обороны — это область лесов и бесчисленных озер в юго-восточной части средней Финляндии. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что уступка Финляндией России бесчисленного ряда островов и опорных пунктов на южном побережье Финляндии, в особенности гавани Ханге, не только отдают в руки России полное господство над Финским заливом, над всеми его входами и выходами, но и фактически в значительной степени обесценивают и южную линию обороны Финляндии. Если русские дальнобойные орудия, повернутые на юг или на юго-запад, могут перекрестным огнем на десятки километров защищать подступы к Финскому заливу и к Ленинграду, то совершенно ясно, что, если их повернуть на север или северо-восток, то они окажутся артиллерийскими форпостами России на финляндской территории и сведут на нет финляндскую «линию Мажино». По словам тов. Линдквиста, русский генеральный штаб исходил до сих пор из того, что поход через Финляндию потребует примерно 30 дней; если бы советскому правительству удалось вынудить у Финляндии сдачу всех опорных пунктов на южном побережье, то это означало бы, что Финляндию русским войскам удастся пройти уже не в 30 дней, а примерно в 20 или 15. И тогда только промежу-

ток в две недели будет отделять Швецию от русско-советского нашествия...

Это, конечно, только один из многих вариантов той «малой войны», которую Сталин будет вести, для округления своих владений, под шум и грохот «большой войны». Ясно, что такого рода тактика — это жонглирование на протянутом канате. Достаточно одного неловкого движения, чтобы неустойчивое равновесие было нарушено. Достаточно апельсиновой корки, чтобы поскользнуться. И есть на свете достаточно «друзей», которые постараются эту корку услужливо подсунуть под сапог Сталина в самый критический момент...

Было бы поистине чудом, повторяем мы, если бы нынешняя война так до самого конца и осталась только войной трех держав. Наиболее вероятность говорит за то, что территория войны будет все больше расширяться, захватывая страну за страной, континент за континентом. Можно ли при таких условиях уже теперь говорить об условиях мира, как это сделали наши английские товарищи Эттли и Моррисон, как это делает значительная часть английской печати и часть французской? Не только можно, но и нужно, — ответим мы. Ибо при нынешней войне и при ее средствах пропаганды и воздействия на общественное мнение не только своей страны, но и страны противника, самые цели мира, высказанные той или иной воюющей стороной, являются серьезным элементом ведения войны. Но к программе мира нам придется вернуться уже в особой статье.

A. ЮГОВ.

И дублем и рублем (Новый с.-х. налог)

Из-за военной грозы, разразившейся над Европой, новый закон о сельскохозяйственном налоге, принятый 28 августа 1939 г. IV сессией Верховного Совета Союзов, прошел почти незамеченным.

А между тем, новая система сельскохозяйственного налога резко рвет с формами обложения крестьянства, в особенности колхозного, существовавшими до сих пор. Новый налог носит явно политический характер и весьма характерен для новых тенденций в крестьянской политике диктатуры Сталина.

До сих пор советская власть изымала налогами, отчислениями натурой, сборами и обязательными поставками львиную долю доходов колхозов, но стремилась тщательно к тому, чтобы не обременить налогами личных доходов колхозника. Поэтому, доходы колхозника, натурой и деньгами, полученные по трудодням из колхоза, были совершенно освобождены от налогов, а доходы от усадебного хозяйства и от промыслов были обложены небольшими твердыми ставками от 10-50 рублей, в зависимости от категории.

Основная линия политики советской власти в последние годы была направлена на поощрение личного усадебного хозяйства колхозника и на развитие захиревших кустарных промыслов. Удельное значение сельскохозяйственного налога в общем бюджете Союза было ничтожно; напр., в 1938 г. на 116 млрд. рублей всего бюджета с.-х. налогом взыскивалось меньше миллиарда рублей.

Как известно, экономические последствия политики послабления в отношении частного хозяйства колхозников были весьма положительны: продукция технических, огородных культур, молочного хозяйства, птице-

водства, животноводства быстро возросла, и снабжение, как самих колхозников, так и городского населения значительно улучшилось.

Напуганная тем, что усадебное хозяйство из предписанной ей роли «подсобного хозяйства» стало превращаться в быстро растущую самостоятельную область частного хозяйства, советская власть вновь решилась на очередную операцию «стрижки крестьянской овцы».

В мае 1939 г. Пленум ЦК ВКП принял постановление, опубликованное под названием «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Постановление это предписывало ряд мер организационного и административного характера, направленных к ограничению размеров усадебных участков, ликвидации хуторов, к уменьшению животноводства, к исключению из колхозов не имеющих минимума трудодней и т. п.*).

Опыт прошедших после издания этого постановления 6-7 месяцев показал, что советской власти не удалось «переключить активность и интерес колхозного крестьянства от усадьбы к колхозу». Крестьянство быстро приспособилось к требованиям постановления от 27 мая 39 г. и продолжало, попрежнему, сочетать подневольный труд в колхозах с работой «на себя» в своих усадьбах.

На сколько-нибудь широкое применение исключений из колхозов советская власть, по причинам, вероятно, политического порядка, не решилась.

*.) Подробнее об этом повороте советской политики см. наши статьи: «Социал. Вестник» 1939. «Диктатура и крестьянство» (№ 11) и «Ответ на вопросы» (№ 12).

Но рост усадебного хозяйства, совершающееся при этом расслоение и накопление, притом, ускользающие от контроля власти, и перспектива социальных последствий этих процессов пугают советскую диктатуру.

Политику нажима на личное хозяйство колхозника решено продолжать.

Сейчас советская власть решила ударить по частному хозяйству колхозника методами налоговых вымоганий.

Новый закон о сельско-хозяйственном налоге построен на принципе обложения всех доходов крестьянина-колхозника и не-колхозника, получаемых им от личного хозяйства, и на изъятии от обложения всех натуральных и денежных получений от колхоза *). Обложению налогом подлежат все доходы от усадебного хозяйства, от кустарных промыслов и от других занятий не по найму.

Характерны основные тенденции нового налога.

Наиболее тяжело ударяет новый налог по интересам еще сохранившихся крестьян-единоличников. (В 1939 г. они обрабатывают 0,5 всей посевной площади СССР). Обложение единоличников значительно выше обложения колхозников и достигает в высших группах 25% доходов. Это помимо всех других сборов и налогов, уплачиваемых единоличниками.

Колхозники уплачивают свой с.-х. налог по системе прогрессивной, по шкале ставок, от 5 до 13% дохода. В противоположность тому, что знает налоговое законодательство всех культурных стран, новый закон не освобождает от обложения даже самые минимальные доходы. Любой доход до 1.000 рублей в год облагается 50 рублями.

Второй отрицательной стороной нового закона является то обстоятельство, что подлежат обложению не доходы фактические, по декларациям или отчетам, а исчисленные властями, согласно нормам доходности, которые устанавливаются законом в отношении каждой отрасли с.-х. производства или промысла и колеблются в зависимости от урожайности и рыночных цен. Эта система дает громадный простор произволу, как высших, так и местных властей. Новый закон создает на практике положение, когда размеры обложения того или иного хозяйства в полной мере зависят от политических директив или усмотрения местного начальства.

Впервые новый закон вводит принцип освобождения от налоговых тягот советской бирократии. Кроме обычного освобождения или

*) Само собою разумеется, что диктатура попрежнему изымает из колхоза налоги, взносы в фонды и отчисления.

облегчения, предоставляемого инвалидам, нетрудоспособным свыше 60-65 лет, красноармейцам, новый закон предоставляет полное освобождение от налога следующим категориям:

учителям, агрономам, зоотехникам, землеустроителям, медицинским и ветеринарным врачам и фельдшерам, ме- лиораторам, с.-х. техникам, инженерам, старшим меха- никам, директорам МТС, машинно-тракторных мастер- ских и совхозов, а также районным руководящим работникам, в количестве не более 30 человек на район.

Весь верхний слой служилого аппарата государства освобождается от налога на личное хозяйство, как бы велики их доходы не были! Впервые советская власть бьет по обогащающемуся слою деревни, открыто покровительствуя обогащению верхнего слоя советской бирократии.

Новый налог продиктован не интересами фиска. Две- три миллиарда, максимум, который может дать новый налог, легко могли быть получены налогом с оборота, который ежегодно приносит 70-80 миллиардов рублей.

Новый налог — налог политический и его задача сделать для колхозника работу вокруг его личного хозяйства менее привлекательной, менее доходной.

Ради этой задачи советская власть не останавливается перед риском — уменьшить производство продовольственных продуктов и ухудшить снабжение городов. Надежда на то, что в настоящее время колхозы и совхозы настолько окрепли, что смогут заместить снижение товарности усадебных хозяйств, утверждение, которым полны советские газеты, совершенно необоснованно. Жизнь это докажет, как доказывала уже не раз. Либо советская власть будет вынуждена не применять в полном об'еме и новый сельско-хозяйственный налог, как не применяет скорпионы майского постановления, либо снабжение городов вновь будет обречено на дезорганизацию и нормирование.

Закон был принят накануне войны, на том самом заседании Совета, на котором был ратифицирован договор о ненападении между Германией и СССР.

Закон был принят тогда, когда Сталин и его ставленники были твердо убеждены, что Англия и Франция на войну не решатся.

Решится ли советская власть обрушиться скорпионами нового налога на колхозное крестьянство сейчас, когда риск вовлечения в войну и СССР очень велик?

Во всяком случае и система нового налога и его размеры и освобождение от налога всей местной администрации — весьма характерны для нового курса политики советской власти.

А. КОБЕР.

Судьбы Польши

В «Польском Вестнике», официальном органе нового польского правительства, пребывающего во Франции, был 9 ноября опубликован, в числе прочих, декрет нового президента о «роспуске» сейма и сената, выбранных согласно избирательному закону, который одобрил Пилсудский и который вызвал обширное движение бойкота выборов польскими избирателями. Сам декрет говорит по этому поводу текстуально: «сейм и сенат не соответствовали нуждам государства», потому что «не отражали точно общественное мнение» и «не заботились об исправлении избирательного зако-

на». В статье, посвященной «политике нового польского правительства», известный французский публицист Пертинакс («Ордр», 13 ноября) пишет по поводу этого декрета: «между разгромом, перенесенным Польшей, и правительственными методами, которые были ей назначены со времени государственного переворота 1926 года, существует более тесная связь, чем это кажется с первого взгляда, и эта связь обясняет, почему названный декрет был опубликован в таком спешном порядке». И действительно: понять эту связь и сделать из нее все нужные выводы — долг каждого, кто стре-

мится не только к восстановлению Польши, но и к тому, чтобы борьба за это восстановление стала фактом победы над гитлеризмом.

Нашествие Гитлера на Польшу привело к занятию страны германскими и советскими войсками. Во второй раз в своей истории народ, имеющий за собою тысячелетие борьбы за свободу, потерял свою государственную независимость. После четырех недель неравного боя, в котором народные массы боролись с геройским самоотвержением, правительство Мосцицкого-Складковского покинуло страну. С уходом его в изгнание исчез с поверхности политической жизни и тот режим, который это правительство представляло и который в течение 13 лет, со времени переворота, совершенного Пилсудским в мае 1926 года, монополизировал власть в Польше и, вместе с властью, взял на себя ответственность за ее судьбы. Эта ответственность представителей режима 1926 года за условия, в которых населению Польши пришлось вести войну, и за исход этой войны так очевидна, что, очутившись в эмиграции, они сами признали необходимым «отречься» в пользу национально-буржуазной оппозиции, партии Народовых Демократов. Объяснить катастрофу лишь советским ударом в спину вряд ли возможно, ибо к 17 сентября, дню вступления советской армии на территорию Польши, судьба войны была уже предрешена, основные силы польской армии были уже разгромлены. Быть может, командованием польской армии был совершен и ряд стратегических ошибок: судить об этом не беремся; но главную причину столь быстрого раз渲ала 35-миллионной державы приходится, конечно, искать в политической плоскости.

Трудно сказать, что более облегчило Гитлеру осуществление его захватно-империалистических планов по отношению к Польше: виешня-ли политика, связанная с именем полковника Бека, или же анти-демократическая внутренняя политика премьера, генерала Славой-Складковского. Несомненно одно: роковые последствия имела и та, и другая.

Субъективно Бек, конечно, руководился идеей создания «равновесия» между гитлеровской Германией и сталинской Россией. На деле социальные тяготения правящих польских кругов непрерывно нарушили это «равновесие» в пользу Гитлера. Кроме Италии ни одно государство не приложило столько усилий, чтобы вывести Германию из той дипломатической изоляции, в которой она очутилась в результате гитлеровского переворота, как Польша. В Совете Лиги Наций Бек в 1935-38 годах всегда выступал, как рупор отсутствующей Германии. В ее интересах он систематически работал над разложением и уничтожением Малой Антанты. После захвата Австрии он первый «поздравил» Гитлера. И венцом этой самоубийственной политики явилось участие Польши в разделе Чехословакии, в результате которого германские моторизованные войска нависли смертельной угрозой над южною границею Польши, держа под обстрелом своих орудий польский «треугольник безопасности», центр военной промышленности Польши, расположенный неподалеку от словацкой границы.

Не лучше обстояло дело и с внутренней политикой. Уже с чисто гео-политической точки зрения такому государству, как Польша, не имеющая естественно защищенных границ и стиснутая между двумя могущественными державами, инстинкт самосохранения должен был диктовать политику опоры на максимально широкий социальный базис. Но и все внутреннее положение страны с большим (до 40%) процентом не-польского населения, с неслыханно острым земельным голодом крестьянства, с громадным перенаселением деревни, с большой диспропорцией между передовою монополизиро-

ванною промышленностью и отсталым сельским хозяйством и с вытекающей отсюда весьма высокой нормой эксплуатации, требовало смелой и последовательной демократической политики, имеющей мужество решить радикально и национальную, и аграрную проблемы, уничтожить пережитки феодализма, противоставить влияниям, идущим с советского Востока, идеи последовательной демократии, что для нашей эпохи означает идеи демократического социализма.

Правящие помещичье-буржуазные классы повели, однако, Польшу по прямо противоположному пути. С 1926 года начинается процесс ликвидации и того ублюдоchnego демократического строя, который сложился в Польше в результате движения 1918-20 годов. Весь полицейский аппарат пускается в ход для борьбы с влиянием рабочих и крестьянских демократических партий, самым драматическим и самым известным эпизодом которой является арест влиятельных деятелей рабочей и крестьянской партий в 1930 году и их заключение в Брест-Литовской крепости. Безответственное правительство из среды бывших сотрудников Пилсудского, непосредственно опирающееся на тонкий слой чиновничьи-офицерской бюрократии, а косвенно отражающее волю помещичье-буржуазных классов; пародия на парламент без политических партий; неограниченная власть маршала Рыдз-Смилгого, фактически стоявшего не столько над, сколько вне всякой конституции; — вот главные черты политического строя Польши за эти годы.

Особое место занимал в политике этого режима «еврейский вопрос».

Систематическое подавление всех партий кроме правящей довело политическую жизнь Польши до полного маразма. Разбитый рабочий класс, истощенный хозяйственным кризисом, а в коммунистической своей части дезориентированный кровавыми расправами Сталина, был об'ят пассивностью. Более активным оставалось крестьянство, но отсутствие ясной программы и присущие вождям его колебания помешали крестьянской партии стать решающим фактором в стране. На фоне этого маразма на поверхность политической жизни Польши поднимается выросшее в кризисе поколение сыновей разоренной мелкой буржуазии, лавочников, низших чиновников, служащих и т. п. Альфой и омегой политической мудрости этих деклассированных элементов, на одном полюсе своем соприкасающихся с люмпен-пролетариатом, стал зоологический антисемитизм чисто гитлеровского пошиба.

Трудно описать, до какой степени этим молодцам удалось разуть вопрос о «3-миллионном еврейском народе» на Польше. Решительно все проблемы рассматривались исключительно под углом зрения — борьбы с еврейством. Правящие круги начали опасный флирт с этим течением и, желая перехватить его влияние, стали сами перенимат у него ряд антисемитских требований. После распада старой правительственной партии, так наз. Беспартийного Блока сотрудничества с правительством, антисемитизм нашел свое программное выражение в

платформе новой правительственный формации — «Лагеря Народного Об'единения». Может показаться невероятным, что такие «вопросы», как вопрос о том, должны ли евреи-студенты стоять во время лекций или могут, подобно своим польским коллегам, сидеть, или вопросы о бойкоте еврейской торговли, о лишении польского гражданства евреев, проживающих заграницей, и т. п. — заполняли собою почти все содержание политической жизни в Польше даже тогда, когда на внешне-политическом горизонте уже начали сгущаться совсем грозные тучи.

К счастью, антисемитизм мало коснулся широких ра-

боче-крестьянских масс, и опасность его была бы не велика, если бы он не стал орудием правительственной политики. При этом-же условии антисемитизм подготовлял в Польше почву для гитлеризма, да и сейчас еще Гитлер пытается воспользоваться им, чтобы пробить брешь в анти-нацистском фронте польского населения. Мы поймем, каким средством морального разоружения перед гитлеризмом известных кругов военной и гражданской бюрократии должен был оказаться антисемитизм, если вспомним, что еще накануне нападения Гитлера на Польшу председатель союза польских писателей Фердинанд Гетель целую книгу посвятил прославлению гитлеровского режима!

С уходом старого польского правительства в изгнание, борьба с оккупацией за независимость страны перешла непосредственно в руки народных масс. Только их борьба, в связи с общим ходом войны и поражением Гитлера в ней, может привести к восстановлению Польши. Как и во второй половине 19 века, независимость Польши перестает быть вопросом дипломатических интриг, а становится делом непосредственной борьбы народа, делом социалистов и демократов всего мира. Но еще теснее, чем до 1918 года, лозунг независимости Польши сплетается с лозунгом социального освобождения. Ибо, оставляя даже в стороне международную обстановку, в которой развертывающаяся мировая война неизбежно несет с собою ряд социальных сдвигов, поднять народные массы, после пережитого ими за последнее 20-летие, на активную борьбу с оккупантами можно будет лишь в том случае, если лозунг восстановления Польши будет иметь в их глазах и вполне конкретное социальное содержание.

Как мы видели из цитированного выше декрета, сформировавшееся в Париже эмиграционное польское правительство намерено ликвидировать печальное наследие прошлого, по справедливому мнению Пертинаакс имеющее самое непосредственное отношение к испытанному Польше разгрому. Польский посол в Лондоне (см. «Тан», 21 ноября) даже вполне определенно обещает, что восстановленная Польша будет «страною свободы, обеспечивающею равные права и равные возможности всем». Но вопрос заключается в том, сумеет ли новое правительство произвести эту ликвидацию достаточно быстро, последовательно и решительно и сможет ли оно возглавить освободительную борьбу масс.

После политической самоликвидации старого правительства, новое, эмиграционное, сформировалось по принципу национального единения. В него вошли представители всех крупнейших политических группировок Польши —

А между тем положение польского народа, зажатого в тиски между гитлеризмом и сталинизмом, таково, что, как мы уже указывали, политику освобождения Польши можно вести с максимальными шансами на успех, лишь связав борьбу за это освобождение с общим процессом освободительного движения пролетариата в рамках и в ходе развертывающейся войны.

Само собою разумеется, что борьба за восстановление Польши является долгом всякого демократа и социалиста. Но вести эту борьбу приходится не за Польшу «вообще», а за Польшу свободной и демократическую. Восстановление независимой Польши нераздельно связано не только с падением гитлеровского режима, но с перестройкой всего европейского уклада, путь к которой лежит через революцию в Германии.

Скудные сообщения, доходящие из оккупированных областей, говорят, с одной стороны, об ужасах гитлеровской политики истребления польского и еврейского населения в полосе германской оккупации, а, с другой, о некоем относительном «либерализме» большевиков по отношению к полякам. Надо думать, что Сталин имеет в виду «сталинизировать» Польшу в случае военного крушения гитлеровского Рейха. И приходится признать, что эта политика имеет некоторые шансы на успех, поскольку поставленные перед трагической дилеммой: Гитлер или Сталин, польские народные массы готовы будут пойти за Сталиным. И только победа социалистически - демократического лагеря в Европе, восстановит Польшу, как независимое государство.

Польский пролетариат прошел полувековую школу воспитания в духе интернационального социализма. Поэтому, при наличии в Европе сильных демократически-социалистических течений, рабочие массы Польши смогут, увлекая за собою основную массу крестьянской бедноты, освободиться одновременно от пут и гитлеровского насилия, и сталинской демагогии и, строя новый общественный порядок, восстанавливать и отставивать тем самым государственную независимость нации.

**

За последние дни некоторыми членами нового правительства сделаны заявления, свидетельствующие о том, что и в правительственные кругах начинает сознаваться необходимость подчеркивать связь между возрождением Польши и восстановлением демократии, как и проведением радикальных социальных и политических преобразований.

Так, напр., сам глава правительства, генерал Сикорский, подчеркнул в своей Анжерской речи, что из испытаний войны Польша должна выйти «очищенной», т. е. освобожденной от анти-демократических и антисоциальных грехов прошлого. Еще определенное высказалось в том-же духе Ладош, единственный представитель крестьянской партии в правительстве. В своей министерской декларации он выразил уверенность, что «политическим строем возрожденной Польши будет демократическая республика, в которой сам народ сможет осуществить ряд коренных реформ, необходимость которых особенно наглядно доказана событиями последнего времени».

Нельзя не согласиться с генералом Сикорским и Ладошем. Их заявления означают, что уже сейчас моментом, все более определяющим и характер деятельности нового правительства, и его состав, должна становиться работа над созданием политических, социальных, национальных и психологических предпосылок для восстановления возрожденной к свободной жизни Польши на единственно возможном фундаменте последовательной демократии.

Г. М.

Балтийский узел *)

С момента заключения германо-советского пакта Балтийский вопрос стал одной из актуальнейших проблем европейской политики. Однако, лишь поверхностному наблюдателю покажется, что проблемы Прибалтики приобрели остроту исключительно в результате этого пакта, когда Сов. Россия вдруг стала полным хозяином всего северо-восточного побережья Балтийского моря, строит там укрепления и диктует свои условия правительствам Балтийских стран.

Достаточно напомнить о том, что уже во время англо-франко-русских переговоров этот же самый вопрос был со всей остротой поднят в мировой прессе — да и в прессе-ли только? Мы имеем перед собой сегодня мнения Леона Блюма, Керенского и др., которые считают возможным самый провал этих переговоров ставить в связь с тем, что западные державы по различным основаниям не имели возможности предоставить Сов. Союзу в Прибалтике требуемых им преимуществ, которые он потом с излишком получил от Германии.

В чем же сущность Балтийской проблемы? Для правильного понимания ее, необходимо отдать себе отчет в том, каково географическое положение маленьких балтийских стран, созданных из обломков Российской Империи. Латвия, Литва, Эстония, Финляндия (которая по своему географическому положению несомненно является балтийским государством) имеют несчастье занимать очень выдвинутую позицию на северо-востоке Европы. Тот, кто господствовал над эстонскими островами (Руно, Эзель) и над латвийскими и эстонскими гаванями, был в большой степени также хозяином Балтийского моря. В течение долгих столетий здесь происходила кровавая борьба за влияние между Швецией, Россией, Польшей; во время мировой войны здесь, — опираясь на местных немецких баронов, — появилась Германия.

Маленькие народы, населяющие эти области, долгое время были лишь объектом, вернее — жертвами всех этих столкновений интересов и влияний. Порабощенные немецкими помещиками, эксплуатируемые и подавляемые самым бесчеловечным образом, они тем не менее сумели сохранить свое национальное лицо, язык, выковали свою собственную культуру, притом, достигнув высокого уровня, приближающегося к скандинавскому. Их национальные движения были — особенно в последний период русского владычества — окрашены в социально-освободительные цвета. Латвийская социал-демократическая рабочая партия, напр., была одновременно признанной руководительницей латышского народа в его борьбе против царизма и одним из лучших отрядов общерусского революционного рабочего дви-

*) Статья т. Г. М. печатается как материал для обсуждения проблемы, имеющей громадное международное значение и представляющей в то же время живущий интерес для социалистов, особенно для социалистов, непосредственно обслуживающих нашим журналом.

Редакция однако в корне несогласна с мнениями, высказанными т. Г. М. как о действительном смысле и значении оккупационной политики сталинского правительства вообще и в Прибалтике в особенности, так и о перспективах, создаваемых этой политикой для деятельности прибалтийской социал-демократии. Поэтому — помимо того, что уже сказано по этому поводу в напечатанной в прошлом номере статье т. Ф. Дана, и в статье Р. Абрамовича в этом номере — в следующем же номере «С. В.», одновременно с окончанием статьи т. Г. М., будет развита и другая точка зрения на затронутые в этой статье вопросы.

жения. Само национальное освобождение не мнилось иначе, как в рамках общерусской революции.

Исторические судьбы сложились однако иначе: после мировой войны и русской революции создалась новая, совершенно неожиданная ситуация, приведшая, в силу ряда причин, на которых мы здесь не будем останавливаться, к образованию маленьких национальных государств с буржуазно-демократическим государственным строем — лимитрофов огромного советского массива.

Для многих дальновидных политиков уже тогда была ясна вся сложность положения. Когда при «переделе» мира после мировой войны у некоторых государств были колебания насчет целесообразности существования самостоятельных балтийских государств, эти колебания вызывались главным образом соображениями на счет того, допустимо ли отрезать Россию от ее «легких» — Балтийского моря. И столь же ясно было, что в интересах самих балтийских народов — по возможности смягчать последствия этой хирургической операции хорошо продуманной и идущей навстречу нуждам огромного соседа политикой.

С первого дня существования Латвии и Эстонии в этих странах наметились два направления внешней политики, абсолютно противоположные друг другу. С одной стороны — антисоветская, в лице руководящих буржуазных партий обеих стран, с другой — так наз. «про-советская», защищаемая со всей решительностью социал-демократами.

Социалисты и наиболее демократические круги боролись против всякой попытки укрепить в Прибалтике влияние каких-либо государств, враждебных Сов. Союзу. Исходя из интересов своей страны, социалисты считали такую политику насущной необходимостью. Все течения — от ультра-левых до реформистских сходились на этом. Они считали неизбежным, что всякая попытка превратить важные стратегические островки Балтийского побережья и гавани, где кончатся русские железные дороги, в опорные пункты для враждебных России сил, должна вызвать противодействие со стороны Сов. Союза. Больше того, социалисты считали абсолютно необходимым создать положение, при котором железные дороги и гавани балтийских областей служили бы свободными воротами, мостом для торговых сношений Сов. Союза с Западом. Тесное экономическое сотрудничество с Россией должно было также создать благоприятные условия для хозяйственного развития балтийских стран, способствовать росту промышленности и торговли, задыхавшихся в результате катастрофического сужения рынка.

Это было «программой-минимум» внешней политики латвийской социал-демократии. Левое правительство в 1927 году, состоявшее из социалистов и буржуазных демократов, твердо придерживалось этой политики, заключив, несмотря на отчаянное противодействие всех реакционных кругов, поддержаных кое-какими дипломатическими миссиями, далеко идущий торговый договор с Сов. Россией и предприняв шаги к заключению и политического договора.

К сожалению, периоды такой установки внешней политики балтийских государств были лишь короткими просветами:

Фашистские путчи в Эстонии и в Латвии (в 1934 г.) послужили к углублению этой политики. Все говорит за то, что здесь не обошлось без руки Гитлера, который с радостью ухватился за возможность использовать для своих целей стремление к неограниченной власти, проявляемое местными буржуазными дельцами-политиканами. Гитлеровская Германия желала твердой ногой стать на границе СССР. Свободная деятельность социалистов, демократов, наличие демократических учреждений — были тому помехой. Диктаторские режимы в Латвии и Эстонии были лучшей формой гитлеризации края. Когда Ульманис в 1934 г. совершил государственный переворот, разогнав парламент и переарестовав всех левых общественных деятелей, в народе никто не сомневался, что инструкции он получил во время своей незадолго до того совершенной поездки в Германию.

По мере обострения международных отношений, по мере роста опасности войны, эта пагубная квази-национальная политика превращения Прибалтики в опорный пункт для гитлеровских замыслов — все углублялась. Под эгидой латвийской и эстонской диктатур шла регулярная «идеиная» обработка населения при помощи антисемитизма, расизма и др. экспортных товаров made in Germany. Местные немецкие бароны, их чада и домочадцы организовывались в отряды, обучались военному делу, вводили (пока у себя) систему «фюреров» и т. д. Местный германский посол чувствовал себя настоящим «наместником», без его одобрения правительство ничего не предпринимало. И в Латвии, и в Эстонии, как по команде, министрами иностранных дел были назначены немцы — Мунтерс и Зельтер; из армии были вычищены все офицеры, подозрительные по части руссофильства. Упорно носились слухи об устройстве аэродромов вблизи Риги и на побережье для нужд германской авиации. Характерные детали: день освобождения Риги от немцев, бывший до того национальным праздником, перестал праздноваться. Зато на параде войск в честь победы над красными войсками участвовал специально приехавший из Берлина бывший командующий германским экспедиционным корпусом в Прибалтике, ген. Флетчер...

Таково в общих чертах было положение в Прибалтике ко времени московских переговоров. Надо ли удивляться тому, что в этот период в Либаве и в Риге, напр., евреи стали продавать дома и подумывать об отъезде, причем покупателями (особенно в Либаве) были преимущественно немцы — латыши уже не считали свое положение достаточно прочным.

Но как бы то ни было, ясно одно: в непоследовательности политики балтийских государств, сегодня пляшущих под дудку Англии, Польши, а завтра поворачивающих им спину, все-же была своя последовательность. Им было по пути с Доунинг-Стрит, пока между Англией и Россией были напряженные отношения, но во время англо-русских переговоров они повели вдруг «самостоятельную» политику. Бековская Польша была долгие годы лучшим гостем и другом в Балтийских столицах, между польской, латвийской и эстонской армиями царили истинно братские отношения. Но стоило Польше быть поставленной перед необходимостью в какой-то мере искать дружбы с Россией, как польскому влиянию в Риге и Таллине был положен конец: задуманный незадолго до военных действий визит Смилглого-Рыдза в Ригу так и не состоялся ввиду сопротивления Ульманиса. Германия-же, с ее тогдашней заостренной против России политикой, была для балтийских диктаторов желанной покровительницей. Ульманис и Пэтс со вкусом готовились к роли Сейс-Инквартов или, в худшем случае — Гах, а народы их с трепетом ожидали благ германской оккупации.

В последние «до-военные» месяцы Прибалтика была таким образом в политическом смысле сплошным германским «лебенсраумом»; нужно было лишь короткое время, чтобы ее превратить в линию эластичных наступательно-оборонительных укреплений.

Германо-советский пакт перевернул всю эту ситуацию, поставил все понятия на голову. Не вдаваясь в оценку интересов и необходимости, вызывавших этот

180-градусный поворот во всей европейской политике, ограничиваясь в данном случае констатированием факта: Гитлер вдруг был поставлен перед необходимостью уйти из Прибалтики. Неизбежным следствием этого было то, что Россия стала здесь гегемоном. Требования ее непомерно возросли.

Создалась совершенно новая ситуация, будущее балтийских стран поставлено под вопросительный знак. Стоит проанализировать это новое положение со всей возможной об'ективностью, попытаться сделать на основании этого анализа некоторые практические выводы.

(Окончание следует).

Заметки

«КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО».

С легкой руки одной из стокгольмских газет всю европейскую печать обошло сообщение, что «наше совладе, наше сердце, наш светлый разум» (см. обращение Полномочной Комиссии Западной Украины в «Известиях» от 14 ноября), «гений человечества, любимый друг и вождь» (там-же, он же... «гениальный полководец») («Изв.», 20 октября), пожаловал гитлеровскому министру иностранных дел Риббентропу орден Ленина.

Думается, что это — скверная шутка. Не потому, чтобы Сталин был неспособен выкинуть и такое коленце, а потому, что как будто еще не приспело время, когда он посмел бы таким открытым надругательством над памятью и делом Ленина выдать ту лютую ненависть к нему, которая должна втайне грызть его душу ренегата и мелкого интригана, заклевленного Лениным еще на смертном одре.

Думается, и все-же закрадываются сомнения. Ибо, если это и выдумка, то она, как говорят итальянская поговорка, «выдумана хорошо». Орден Ленина на груди Риббентропа — это пока, может быть, еще не факт, а лишь «истинное происшествие». Но это происшествие совершенно подстать уже несомненному факту — разбрасыванию гитлеровскими военными аэропланами речи Молотова в Верховном Совете, заботливо переведенной на французский и английский языки.

Сталин и Молотов — в качестве поставщиков материала для гитлеровской пропаганды! Это может показаться невероятным и чудовищным. Но это — тот вклад, который «гениальный отец народов» делает, со своей стороны, в ту сковышицу «культурного сотрудничества», о котором он, наряду с сотрудничеством дипломатическим и экономическим, договорился со своим берлинским другом и в котором господствует, очевидно, строгое разделение труда.

Благодаря Сталину, при его прямом содействии, под непосредственной защитой щитков советской армии, поставленной Сталиным на рубеже оккупированных Гитлером областей Польши, может Гитлер спокойно творить в этих областях ту «культурную» работу, которую он уже облагодетельствовал Германию и высокие образцы которой он дает сейчас в непокорной Чехословакии. Сотни тысяч полков — не пресловутых «польских пахов», а польских крестьян, рабочих, ремесленников, интеллигентов — сгнояются с насиженных мест, грузятся, как скот, в товарные вагоны, вывозятся в Германию на принудительные работы. Сотни тысяч евреев — и опять-таки не Ротшильдов, а мелкого еврейского люда, ограбленного до нитки, — свозятся в уготованный для них Люблинский загон в жертву голodu и болезням. Гитлер не мог бы творить этого канюка дела, если бы Сталин своим пактом с ним, своим договором с ним о разделе Польши, своими войсками не гарантировал ему полного «спокойствия и порядка» на его восточном фронте. В этой гарантии — пусть пассивное, но несомненное и решающее участие Сталина в наследии гитлеровской «культуры».

Зато в области «идеи» пропаганды вся активность на стороне Сталина: тут Гитлеру остается лишь предоставление технических средств для ее распространения — от типографских станков гитлеровской Германии до ее военных аэро-планов. И тут дело отнюдь не только в речи Молотова. Вся пресса так называемого Коминтерна, все брошюры, журналы, газеты, листовки, издаваемые так называемыми коммунистическими партиями различных стран, — все они сплошь поставлены на службу гитлеризму, все сплошь замалчивают его преступления, все сплошь занимаются его апологией. И, конечно, ни один гитлеровский молодец никогда не сумел бы подать эту апологию под таким «пролетарским» и «революционным» соусом, как это умеют делать набившие руку молодцы сталинские.

Какие результаты даст политическое и экономическое сотрудничество Сталина с Гитлером, — это еще вопрос. Но «культурное сотрудничество» идет уже полным ходом. Тут

Сталин с избытком выполняет взятые на себя обязательства и поставляет гитлеровскому режиму нужный ему «идеяный» и пропагандистский материал в неограниченном количестве и лучшего качества. Да эти поставки даются ему, конечно, куда легче, чем поставки нефти или марганца: нефть и марганец нужно добывать, а «идея» гитлеровского пошиба в его собственной голове непочтый угол!

Но вот что интересно: в «культурный» союз Сталина с Гитлером начинает помаленьку включаться третий «сотрудник» — чистокровно «русский» и погромный нацизм. Этот «русский» нацизм, разумеется, так же кипел антикоммунизмом, антисоциализмом, антимонархизмом, как и его германский образец. Более того: в лице своего самого пронырливого и способного представителя, Солоневича, он, как мы имели уже случай отмечать, давно поставил свою ставку на Гитлера, надеясь, если не на белом коне, то хоть в гитлеровском обозе въехать в дорогое отчество.

Германо-советский пакт, понятно, ударили гитлеровских нахлебников, как обух по голове, и на несколько номеров «Нашей Газеты» у Солоневича язык, что называется, прилип к горлам (вероятно, не без содействия Гестапо). Но постепенно и не без искусства он начал приспосабливаться к новому положению.

В номере от 9 октября «Наша Газета» поведала своим «штабс-капитанам», что, идет ли Германия войною на Советский Союз, чтобы отнять у него Советскую Украину, или заключает с ним соглашение, чтобы отдать ему в добавление к Советской еще и Польскую, — в сущности, значения не имеет. Важно лишь, что Советский Союз «вовлече в общеевропейскую или, точнее, общемировую борьбу». Тем самым он выведен из состояния равновесия, и создана почва для активности российского нацизма. А «штабс-капитанам» только этого и нужно.

Но, если «всамделишная мировая война», хотя бы и ведомая Гитлером в союзе со Сталиным, оказалась вдруг нужна штабс-капитанам, то весьма скоро обнаружилось, что она вовсе не нужна хозяину того обоза, в котором пребывает штабс-капитанский «вождь». Хозяину этому нужна не «всамделишная война», а «всамделишный мир», как нужен он и его новому московскому другу, ибо оба они ничего так не хотят, как создать новое «состояние равновесия», но только на основе закрепления за ними той польской и прибалтийской добычи, которую они по взаимному соглашению между собою поделили.

Положение Солоневича снова оказалось трудным. Он ведь только что подстался своим штабс-капитанам горькую пиллюлю Сталинско-Гитлеровского союза указанием на блестящие перспективы, которые открывает им подготовляемая этим союзом «всамделишная война»! Но — не переселяться-же из гитлеровского обоза в гитлеровский концлагерь! — и хоть и с новым запозданием, на этот раз пяти-недельным, но штабс-капитаны узнали все-же, что «с нашей, с русской точки зрения» — «нынешняя мировая война для нас ни с какой стороны не нужна», а «прежде всего и паче всего — нам нужно работать для мира» («Н. Г.», 13 ноября).

Так круг «идеейной» пропаганды замкнулся: Солоневич, наряду со Сталиным, занял место в «культурном сотрудничестве» с Гитлером, и все они вместе выступают глашатаями немедленного и безоговорочного мира. Нужды нет, что Гитлер и его гэбельсы ведут эту «пропаганду мира» во имя «жизненных интересов германского народа», Сталин и его молодцы — во имя «коммунизма», а Солоневич — во имя грядущего «штабс-капитанского» нацизма. Делают они все одно и то же дело, и Солоневичу, право, не приходится даже особенно огорчаться тем, что делает это дело в Советском Союзе не мифический «Сидорчук», который, по его расчетам, должен был сместь и замести Сталина, а сам «отец народов» собственоручно: разница, даже и с точки зрения использования солоневичевских талантов, не так уж велика!

И. Греков.

МОЛОТОВ-ДИМИТРОВ-ГИТЛЕР.

Дружба обязывает. Заключение советско-германского договора «о ненападении» от 23-го августа и тем более заключение договора «о дружбе» от 28-го сентября сделали Сталина фактически союзником Гитлера, хотя формально он и сохраняет еще видимость «нейтралитета». И советская дипломатия из кожи лезет вон, чтобы перебросить мост от вчерашней политики непримиримой борьбы против гитлеровской агрессии к сегодняшней политике поддержки воинствующего гитлеризма.

В своей речи в Верховном Совете СССР 31-го октября Молотов попытался разрешить эту неблагодарную задачу и объяснять, почему «некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно и к которым многие так привыкли, явно устарели и теперь неприменимы». Отказ от «старых формул» (как это невинно звучит) объясняется «важными изменениями международной обстановки», которые сводятся прежде всего (1) к «военному разгрому Польши и распаду польского государства»: «Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора» (Так по-путно, и сам того не замечая, Молотов разрушает официальную легенду, будто советские войска вступили в Польшу после того, как выяснилось, что «польское государство фактически перестало существовать»). Польши больше нет, поэтому (2) война, которая началась, как война между Германией и Польшей, стала войной между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой*).

А отсюда уже, по Молотову, следует, что «за последние несколько месяцев такие понятия, как „агрессия“, „агрессор“ получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются».

В этой вымученной, но тщательно взвешенной формулировке все интересно. Понятия «агрессия» и «агрессор» не утрачивают свое значение, а «получают „новое конкретное содержание“»: «роли переменились». Иначе говоря: вчерашний агрессор Гитлер становится миротворцем и жертвой агрессии, а агрессорами являются сейчас Англия и Франция, так как они «стоят за продолжение войны и против заключения мира».

Отсюда и дальнейший вывод: Англия и Франция ведут империалистическую войну против Германии: «Опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии. Таким образом, империалистический характер этой войны очевиден для каждого, кто хочет видеть действительное положение вещей». — Речь здесь идет отнюдь не об империалистическом характере англо-франко-германской войны вообще, а лишь об империалистической «англо-французской войне против Германии». Только на стороне Англии и Франции это империалистическая война.

И наконец, последний вывод Молотова: надо «политически поддержать Германию в ее стремлении к миру», т. е. к миру на основе признания разгрома Польши.

7-го ноября Советский Союз праздновал 22-ую годовщину Октября. К этому дню — так уже издавна повелось — Исполком Коминтерна опубликовывает каждый год воззвание к рабочим всего мира. И в этом году в центре воззвания стояла, конечно, война. Но в таком воззвании нельзя прибегать к словесной эквилибристике Молотова. Воззвание требует простого языка и ясных формулировок. И — в противоречие с речью Молотова — воззвание так прямо и рубит: «Правящие круги Англии, Франции и Германии начали войну за мировое господство»; война эта — «несправедливая, реакционная, империалистическая война» (цитировано по английскому тексту). А генеральный секретарь Коминтерна Димитров, вероятный автор воззвания, в обширной статье, подробно развивающей изложенную в воззвании концепцию, ставит уже и точку над и: «По своему характеру и сущности настоящая война с обеих воюющих сторон есть война империалистическая, несправедливая».

Что это? Коминтерн подымает знамя восстания против

*). Кроме приведенных в тексте двух «изменений международной обстановки» которые должны оправдать отказ от «старых формул», Молотов приводит еще третье «изменение»: заключение советско-германских пактов; таким образом установление дружественных отношений с Гитлером объясняется заключением договора о дружбе с Гитлером. «Веревка вервие простое».

Молотова и советского правительства? Ничего подобного! Заявления Коминтерна и Димитрова об империалистическом характере войны «с обеих сторон» — это лишь дымовая завеса, которая должна скрыть капитуляцию Коминтерна перед Гитлером. В этом нетрудно убедиться, если присмотреться ближе к практическим выводам Димитрова (и воззвания Коминтерна), к той политике «борьбы против войны», которую Димитров намечает. К чему же сейчас призывают Коминтерн и Димитров? К дефетизму, как звал Ленин в 1914-18 гг.? Дефетистские искты звучат кое-где в Европе в коммунистической агитации, но Коминтерн еще не решается сделать дефетизм своим знаменем, так как если где-либо этот лозунг мог бы найти горячий отклик, это прежде всего в Германии. А выдвинуть лозунг дефетизма только для стран анти-гитлеровской коалиции — на такое саморазоблачение Коминтерн пока не может решиться.

Но, может быть, Коминтерн призывает сейчас к борьбе за демократический мир? То-есть в частности за мир, который восстановит свободную Польшу? Ни за что! «Чтобы трудающие шли умирать за восстановление обанкротившегося реакционного государства польских помещиков и капиталистов»?! Возмущению Димитрова нет границ. А о том, что Польша может и не быть «реакционным государством помещиков и капиталистов», Димитров не смеет даже и заикнуться.

Но отвергая борьбу за демократический мир, Димитров в то же время горячо стоит за мир: «Мобилизация широчайших масс на борьбу против уже ведущейся войны и за ее прекращение является главнейшей задачей момента». Это тот же мир, за который стоит Молотов, мир, основанный на признании германских завоеваний, мир, закрепляющий порабощение Чехословакии и Польши**), короче: не демократический, а касильнический мир, мир Гитлера. И недаром Димитров с такой запальчивостью призывает «сосредоточить огонь против оппортунизма, выражавшегося в скатывании на оборонческую позицию, в поддержке легенды об антифашистском характере войны», «разбить наголову легенду об ее антифашистском характере».

О, конечно, Димитров пытается прикрыть эту капитуляцию перед Гитлером обрывками революционных фраз о том, что «рабочий класс призван положить конец этой войне по своему» и т. п. Это беспомощное бормотание уже не может прикрыть бесспорного позорного факта: пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным, сделал Коминтерн орудием гитлеровской политики.

С. Шварц.

КРЕПОСТЬ У ПОЛЯРНОГО КРУГА.

Перепечатываем из цюрихского «Фольксрехт» статью Свена Линдквиста, дающую интересную фактическую информацию о шведской «линии Мажино» на финской границе.

Примерно к началу 20-го столетия Швеция открыла и стала разрабатывать неизмеримые минеральные богатства своих северных провинций. Началась эксплуатация Киуринской, Галиверской, Мальмбергетской руды; были открыты залежи медной и золотоносной руды болхидов; была построена пограничная железная дорога, соединяющая Атлантический океан с Ботническим заливом, — дорога, являющаяся самой северной электрической веткой мира. Почти одновременно с этим произошел и другой ряд событий: Россия, бывшая тогда еще непосредственным соседом Швеции через свое Великое Княжество Финляндское, принялась вдруг за расширение своей северной сети железных дорог; она стала улучшать свои финские гавани, строить широкие шоссе по направлению к шведской границе и т. п. Шведам это показалось более чем случайным совпадением... Они отлично понимали, что неизмеримые рудные богатства Лапландии и близость мировой гавани Нарвик могут соблазнить могущественного соседа. И тогда одновременно с металлургическими предприятиями на севере Швеции возникла и одна из самых мощных крепостей мира, Боден, крепость у Полярного круга.

Всего в нескольких километрах от Полярного круга

**). Недаром уж на что многословное московское радио до сих пор не проронило ни слова о подлинно чудовищных насилиях, чинимых гитлеровскими молодчиками в оккупированной ими Польше, и о кровавых событиях в Чехословакии.

лежит городок Боден, внешне ничем не отличающийся от типичного шведского провинциального городка. Никто не может предположить, что здесь под ледяной броней, глубоко запрятанная под снегами лежит одна из самых современных крепостей мира. Что в Европе лишь немногие слыхали о существовании такого городка, и что только генеральные штабы европейских армий осведомлены о существовании этой крепости, — это результат глубокой тайны, которой в Швеции окружено с самого начала это сооружение. Само название города — Боден —, связанное со словом фер боден — запрещено, уже достаточно характерно. Иностранцам запрещено останавливаться в этом городе, проезжим разрешается переночевать там лишь одну ночь. Боден — запретный город, своего рода «Лхаса» у Полярного круга.

Когда после войны и русской революции возникла самостоятельная Финляндия, и Россия перестала быть непосредственной соседкой Швеции, дальнейшее существование Бодена показалось многим анахронизмом. Ведь Россия отделена от Швеции Финляндией, а Финляндия, как известно, издревле поддерживает самые дружественные отношения со Швецией. Но шведский генеральный штаб был настроен скептически. Работы по укреплению и модернизации Бодена не были прекращены, и все значение этой крепости для защиты страны только теперь обнаруживается со всей ясностью.

Минеральные богатства Лапландии и близость открытого незамерзающего океана являются приманками для всякого сильного соседа, каков бы ни был его строй. И ответственные политики Швеции отказываются признавать наличие финского буфера достаточной гарантией безопасности Швеции. Кто понимает все значение этого выхода к Атлантическому океану для России, и кто знаком с историей борьбы России за выход к морям, тот понимает, что путь через Финляндию и Швецию является для России самым простым и коротким. Если оставить в стороне все соображения политического и принципиального порядка, и посмотреть на дело глазами русского генштабиста, то вопрос представится в таком виде: Дарданеллы в руках турок; Тихий океан закрыт японцами; Балтийское море является фактически «внутренним морем», — но только два маленьких государства отделяют Россию от открытого Атлантического океана...

«Чтобы пройти через Финляндию, надо 30 дней», — вот основной тезис русского генерального штаба, своего рода русский план Шлиффена, который шведам хорошо известен. Только финские укрепления вблизи Ленинграда, только финские леса и озера защищают Швецию против молниеносного русского нападения. Понятно, поэтому, какое значение для Швеции имеет крепость Боден.

Расположенная на скрещении железно-дорожных линий Нарвик-Люлеа и Стокгольм-Гапаранда, крепость эта защищает подступ к рудоносным областям, дорогу в Центральную Швецию и одновременно путь к Атлантическому океану. Ее крупно-калиберные пушки защищают гавань Люлеа от нападения вражеского флота, и таким образом она является также Гибралтаром для северной части Ботнического залива. Ибо, если Швеция сможет вообще отразить нападение России через Финляндию, то только на этой линии.

Чем малочисленнее шведская армия, тем больше шведский генеральный штаб старается усилить крепость Боден. Конечно, в техническом отношении Боден, вероятно, уступает во многом французской линии Мажино или немецкому «Вествалю» (Западный Вал, Линия Зигфрида). Но возможные технические недочеты во много раз искупаются непревзойденными преиму-

ществами естественного положения этой крепости. Летом подъездные пути топки и с трудом проходимы; те немногие шоссе, которыми можно пользоваться, минированы; зимой же тут царит мороз, доходящий до 40 градусов, бушуют арктические снежные бури и наростает ледяная кора в несколько метров.

Чужестранец, попавший на Дроттнинггатан, главную улицу города Бодена, рассмеялся бы, если бы ему сказали, что он находится в самом центре могущественнейшей крепости всего европейского севера, что под его ногами расположены подземные казематы и склады амуниции, и что всего в немногих километрах от этих полусонных маленьких кафе и лавок из-под снега торчат жерла гигантских орудий.

На улицах Бодена редко встретишь человека в военной форме. Нет ничего, что указывало бы на близость крепости, только кое-где висит плакат, возвещающий на пяти языках, что «проход строжайше запрещен». Такого рода предостережение находишь иногда в лесной чаще, на столбе в занесенной снегом степи или у какой-нибудь совершенно невинной на вид каменной площадки. Случайным прохожим можно только посоветовать отнести к этому предостережению с должным вниманием. Ибо многие из тех, которые «не разобрали» надписи, задержались в Швеции дольше, чем им было желательно. Правда, не в самом Бодене, а в тюрьме в окрестностях Стокгольма.

Жандармов, осуществляющих надзор за крепостью, называют в Швеции: «тайные Свенсоны». Эта одна из лучших полиций в мире. Они знают в лицо каждого жителя во всей округе, на зубок заучили паспорта, которые все жители Бодена обязаны иметь при себе, и отлично сознают всю ответственность, которая на них лежит.

Через Боден проходит большая часть шведской армии, проводя там некоторое время. Постоянный гарнизон крепости составляют Норрботтенский пехотный полк, Норрботтенская саперная бригада и, помимо того, ряд специальных единиц и воинских частей, которые привозятся сюда для обучения.

Лихорадочная деятельность, которую за последние годы Сов. Россия развивает на севере, проходит в Европе незамеченной. А между тем в России построено около 10 автострад современного типа, направленных против Финмаркен, — самой северной провинции Финляндии; все русские опорные пункты у Белого моря укреплены и расширены. Таким образом, Боден становится вопросом жизни или смерти для Швеции. Ибо Швеция не может строить только на том, что финны окажут сопротивление русской агрессии, и что этот храбрый народ сможет задержать надолго наступающие русские войска.

Конечно, наличие в Финляндии безграничных лесов и бесчисленных озер, финские укрепления на русской границе, на юге Финляндии, и суровая природа в Финмаркене — на северной границе Финляндии, — все это дает основание думать, что Финляндия не так-то легко станет второй Бельгией. С другой стороны, опыт польско-германской войны показал, что великая военная держава может в несколько недель смять и разбить маленькую страну. Однако, то что имело место в Поль-

---

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

ше, не совсем подходит к Финляндии. Финляндия располагает благоприятной пограничной линией, ее армия национально сплочена, а обширная полоса лесов и озер не слишком уж благоприятное поле для воздушных атак или для наступления механизированных дивизий.

Все это, однако, не меняет в основном того факта, что в случае опасности со стороны России Швеции придется полагаться только на свои собственные силы. Вот почему по снежным полям Норрботтена с грохотом но-

сятся шведские танковые дивизии, и шведские солдаты в трескучий мороз упражняются на анти-танковых оружиях Фляка, и у Полярного круга испытываются новые типы броневиков...

Север сейчас под ударом. Рудники Лапландии и чудо-гавань Нарвик находятся под угрозой... Дивизии и армии стоят сегодня у Полярного круга в боевой готовности. И Боден — крепость среди вечных льдов — стоит на страже.

Свен Линдквист.

Партийная трибуна

СТАРЫЕ СПОРЫ И НОВЫЕ ФАКТЫ.

В первые дни и недели после заключения германо-советского пакта казалось, что при всей гибельности этого акта, есть в нем одно положительное: ведь даже самые упорные иллюзионисты внутри международного социализма были потрясены пактом и некоторые даже говорили о том, что «после этого не стоит больше жить». Возникла надежда, что это постыдное соглашение послужит толчком для консолидации сил европейского социализма, явится началом вытеснения современного социализма из того затяжного кризиса, который ослабляет его не меньше, чем самые тяжкие внешние поражения.

Увы, этого пока не случилось. И чем дальше, тем больше, под разными идеологическими прикрытиями возрождаются прежние, отмеченные внутренним бессилием, концепции и настроения: Конечно, само по себе соглашение Советского Союза с Гитлеровской Германией омерзительно, но все же опасно, мол, «поддаваться непосредственному чувству», ставить крест на Советском Союзе, как «стране революции», ибо пакт сам по себе еще не дает оснований для пересмотра больших «стратегических линий европейского социализма», нужно пересмотреть только некоторые вопросы социалистической тактики...

Основные аргументы таких осторожных товариществ сводятся к следующим положениям: При всей общности некоторых черт сталинского и гитлеровского режимов, они глубоко отличны по своему происхождению и по своему социально-экономическому содержанию. Гитлеровский нацизм — самое яркое воплощение обретенного на смерть, но еще не сдающегося капитализма, созданные же советским режимом социально-экономические предпосылки могут — при благоприятном обороте — стать отправными точками для перехода к социализму. Вот почему самый союз Гитлера со Сталиным в интерпретации этих товариществ является союзом временным, соглашением «друго-врагов», которое рано или поздно (в силу «антагонистичности» обоих режимов!) кончится взрывом и Советский Союз станет даже объектом капиталистической агрессии, возглавляемой Гитлером.

Отдавая себе отчет в различном происхождении обоих режимов и не оспаривая того, что старинный режим — «законное детище» Октябрьской революции, нельзя все же через 22 года после начала революции ограничиваться формальной справкой из метрической книги истории. Динамика Октября зиждется не только на гигантской революционной стихии масс, но и на не менее гигантской отсталости России. Но в то время, как революционная стихия масс неоднократно освещалась в различных трудах и статьях, **отсталость страны в качестве фактора революции** почти не подвергалась анализу. Когда наши товарищи в первые месяцы Октябрьской революции касались отсталости страны, широкая аудитория была уязвлена, обиженно щурялась, слышны были возгласы с мест: «Так подсобите нам!» Широкие массы неизменно понимали «отсталость» не как социально-экономическое явление, а как морально-политический упрек им и в свою очередь пеняли на ораторов за «высокомерие». Не рассуждающее, но горячее желание преодолеть отсталость, которую наши товарищи только констатировали с оттенком фатализма, — было первой наметкой **национальных задач** русской революции, за осуществление которых «большевики и принялись с большой смелостью, самую «казнитчину, дикость и некультурность» превратив в революционный фактор. Эта пресловутая отсталость страны в качестве прогрессивного фактора оказалась даже **более живучей**, чем революционные мечты о всеобщем равенстве и братстве: Кто-же в знаменитом лозунге пятилетки «догнать и перегнать» не слышит все ту же националь-

ную ущемленность, возникшую на почве вековой отсталости! Но именно эта феноменальная отсталость России и вынудила русскую социалдемократию оспаривать возможность успеха Октябрьской революции, как революции «социалистической».

Победа «пролетарской» революции уже в самом начале нэпа зиждалась преимущественно на аппарате власти, вышедшем из революции, коренное же изменение общественных отношений внутри страны — конечная цель всякой социальной революции — оставляло желать очень многого, подтверждая прогноз социалдемократии: Рабочие-выдвиженцы, усиленно впитываемые аппаратом государства, не могли замаскировать ни наличия в стране растущей безработицы, ни капиталистического характера складывающихся отношений между пролетариатом, как продавцом рабочей силы и государством-предпринимателем. Аграрно-буржуазный характер Октябрьской революции еще отчетливее сказывался в деревне, в которой нэп развязал частно-капиталистическую стихию и где власть шесть дней в неделю осуществляла союз с «кулаком, мирно вращавшим в социализм», и раз в неделю «для души» сочувствовала бедноте.

Первая пятилетка, особенно в ее начальном разгоне, казалась возвратом к социально-экономическому радикализму Октября. Вместе с тогдашним большинством в нашей партии я признавала экономическую прогрессивность пятилетки, но в методах ее осуществления видела залог самых тяжких социальных последствий для широких масс трудящихся. «Диктатура не уничтожила классов», — писал т. Дан в дискуссионной статье 1932 г., — которые возникают и не могут не возникать на почве капиталистического (хотя бы и государственно-капиталистического) развития. Но она у всех них как бырезала успевшую сформироваться за период нэпа головку, заставила всех их как бы заново и в новых условиях, а потому и в новых формах, начать и продолжать свою классовую консолидацию... (За недостатком места обрыва цитату, в которой дальше очень наглядно показано, как вчерашний «частник», исчезнув в качестве «частника», возрождается вновь на тепленьком местечке в хозяйственном аппарате власти). Созданную пятилеткой хозяйственную систему т. Дан считал «переходной», которая при неблагоприятном повороте развития приведет «к попутному движению», т. е. к реставрации капитализма, при благоприятном — может явиться «предпосылкой» для перехода к социализму. Я тогда же (см. мои дискуссионные статьи в № 17/18 и 24 за 1932 г.) говорила свое несогласие в этом вопросе с т. Даном, так как исключала возможность на основе созданного госкапитализма безболезненного и механического перехода к социализму. Но я, конечно, не отдавала себе тогда отчета в том, насколько это расхождение было глубоко.

Отрицая за госкапитализм характер самостоятельной фазы развития, т. Дан неизбежно должен был **умалить** и процесс кристаллизации нового господствующего слоя в стране (советской бюрократии), отказать в ей в имманентных ей, как классу, самостоятельных интересах и вожделениях. Сближаясь в этом вопросе с Троцким, Дан должен был видеть в советской бюрократии временное, паразитическое явление, болезненный социальный нарост (или «опухоль»), который, смотря по политическому темпераменту один хочет обезвредить «реформами», а другой — «политической» революцией. Здесь корень не только моих личных разногласий с т. Даном, но корень всех вопросов стратегии и тактики русской социалдемократии.

Опыт двух пятилеток показал, что все мы бесконечно упрощали развитие Советского Союза: проведение экономической программы пятилетки натолкнулось на такое сопротивление внутри страны и вызвало такой террор власти, что **открытая**

классовая консолидация, о которой писал т. Дан в упомянутой статье, оказалась вообще **невозможной**: со временем пятилетки все классы внутри Советского Союза живут и развиваются — если можно так выразиться — **шопотом**. Даже вчерашний частник, ныне — «толкач», раздбывающий дефицитное сырье для госпредприятий, участвующий в конкуренции их друг с другом, сознание которого осталось сознанием **капиталистического посредника**, возносит хвалу «гениальному отцу народов», дающему ему возможность жить захребетником!

Ослабленными и распыленными вышли из горнила пятилетки основные революционные классы — пролетариат и крестьянство; единственную общественную группировку, которая умудрилась за этот же период политически и социально скрепнуть, является советская бюрократия. Ее до сих пор упорно не хотят называть новым классом, на том основании, что она, де, не несет никакой социальной функции, органически вытекающей из природы советского общества. Но разве индустриализация страны, проведенная под ее руководством и мерами ее террора, сама по себе не является ее органической функцией в системе огосударствленного хозяйства? И разве охрана этого государственного хозяйства «от посягательства» непосредственных классов производителей, иммобилентная, кстати, всякому господствующему классу, не является ее органической функцией? Не оспаривая происхождения этого нового класса из революции, нельзя не видеть, как на сегодняшнем этапе именно это революционное происхождение и толкает советскую бюрократию на контрреволюционное завершение революции, чтобы раз навсегда съединиться от бдительного и «завистливого» ока социальных родичей, оставшихся излизу. Это стремление бюрократии эманципироваться от своего прошлого и нашло свое столь яркое и однозначное выражение в пакте советской бюрократии с гитлеровским фашизмом.

Распыленные и ослабленные, пролетариат и крестьянство все же ведут борьбу против режима и его самого могущественного экспонента — советской бюрократии. Но борьба эта на сегодняшнем этапе лишена какой бы то ни было отчетливой политической идеологии, она носит очень примитивный, иногда даже — не убоимся слова — «шкурный» характер, это борьба за кусок хлеба — часто в буквальном смысле слова, к тому же признающая иногда «анархические» формы.

Чем может социалдемократия помочь трудящимся? Да только одним: она должна **приложить ухо к земле** и в этой глухой, ожесточенной борьбе расслышать то, что **есть в ней великого и вечного** и что связывает ее не только с борьбой на предыдущем этапе истории, но и с великой тяжбой за конечное освобождение человечества. Но может ли социалдемократия выполнить свою историческую задачу в ее теперешнем состоянии и при ее теперешнем идеином вооружении?

Отчетливо видя все основные процессы перерождения советского режима и все опасности «бонапартистского завершения»

шения революции», русская социалдемократия поражена каким-то внутренним бессилием. Источник этого внутреннего бессилия кроется в представлении, что при всех отрицательных сторонах нынешнего режима, решающим преимуществом Советского Союза является отсутствие в нем частной собственности на средства производства...

Да, в Советском Союзе нет частной собственности на средства производства, да, сосредоточение средств производства в руках государства — рассуждая чисто отвлеченно — есть шаг вперед по сравнению с частно-капиталистической системой. Но можно ли после опыта пятилеток довольствоваться этими рассуждениями? Можно ли не видеть, что фактическое распоряжение средствами производства сосредоточено в Советском Союзе в руках могущественной корпорации, каждый член которой владеет этими средствами производства только символически, что ему однозначно не мешает, а даже помогает, отнюдь не символически, а очень реально потреблять львиную долю народного дохода? И разве существование **советских миллионеров** среди идеологов диктатуры (среди писателей, напр., Алексея Толстого, Вс. Иванова и др.) при наличии кровавых склок в ином колхозе из-за прибавки двадцати копеек деньгами за трудодень — недостаточно отчетливая иллюстрация новых социальных антагонизмов, накопившихся внутри общества? Само собой разумеется, эта советская бюрократия заинтересована в сохранении средств производства в руках государства, приказчиком которого она является. Но разве революция против советской бюрократии — непременно означает восстановление «частного капитализма»? Кто заинтересован в нем? — Почему же социалдемократия и, особенно т. Дан, думают, что революция против существующего режима явится торжеством контрреволюции, тем самым вольно или невольно выступая адвокатом этой бюрократии и вырывая непроходимую пропасть между собой и трудящимися массами?

Правда, свои надежды русская социалдемократия и т. Дан в частности, возлагают не на всю бюрократию, а на ее «лучшие элементы». Но разве **судьба русского троцкизма**, этого «второго законного детища Октября», воплощавшего в себе лучшие и социалистически настроенные элементы советской бюрократии, не доказывает, что путь даже самой осторожной реформы нынешнего режима историей уже закрыт?

Для того, чтобы стать живой партией будущего, социалдемократия должна раз навсегда отказаться от добровольно на себя взятой миссии консультанта при режиме, вышедшем из революции, она должна сойти вниз, в самую глубь жизни низов, подышать воздухом «Шанхаев», и «Совачевок», в которых несмотря на все шумные «кампании» живет столько рабочих, забраться на окраины, где наряду с бессильной хмуровой обидой каждодневно обираемых «во славу социализма», живет вечная тоска по свободе и социальной справедливости, и эти чувства перевести на язык политических лозунгов...

В. Александрова.